

Алекс Бухнер

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

**ЧЕРКАССЫ•ТЕРНОПОЛЬ•КРЫМ•ВИТЕБСК
БОБРУЙСК•БРОДЫ•ЯССЫ•КИШИНЕВ**

1944

Сражения Второй Мировой Войны

Алекс Бухнер

**Восточный фронт.
Черкассы. Тернополь.
Крым. Витебск. Бобруйск.
Броды. Яссы. Кишинев. 1944**

«Центрполиграф»

1992

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(0)62

Бухнер А.

Восточный фронт. Черкассы. Тернополь. Крым. Витебск. Бобруйск.
Броды. Яссы. Кишинев. 1944 / А. Бухнер — «Центрполиграф»,
1992 — (Сражения Второй Мировой Войны)

ISBN 978-5-227-04213-2

В начале 1944 года превосходство Красной армии стало очевидным и катастрофическим для вермахта на всем перешедшем к обороне Восточном фронте. Отныне германские войска лишь отступали под неослабевающим напором советских войск... Известный немецкий историк Алекс Бухнер прослеживает ход главных оборонительных сражений войск вермахта в 1944 году. Черкассы и Тернополь, Крым и Севастополь, Витебск, Бобруйск и Минск, Броды, Яссы и Вуткани вошли в историю Второй мировой войны как синонимы невероятно жестоких боев с трагическим исходом. На основе документальных материалов, включая сводки вермахта о положении на фронте и воспоминания непосредственных участников боевых действий, автор не только представил наиболее полную историческую картину событий, но и дал внятное объяснение причин катастрофы войск вермахта на Восточном фронте. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(4)"1939/1945"

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-227-04213-2

© Бухнер А., 1992

© Центрполиграф, 1992

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Глава 1	14
Зимняя драма на Гнилом Тикиче[9]	14
Окружение двух армейских корпусов	15
Первый танковый удар уходит в пустоту	17
Бедственная ситуация в котле	19
Новая попытка прорыва срывается	23
Пространство для прорыва необходимо отвоевать	26
Действия авиации	29
III танковым корпусом – из последних сил вперед!	30
Шендеровка – «ворота в ад»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алекс Бухнер
Восточный фронт. Черкассы.
Тернополь. Крым. Витебск. Бобруйск.
Броды. Яссы. Кишинев. 1944

Alex Buchner

OSTFRONT 1944

**TSCHERKASSY – TARNOPOL – KRIM – WITEBSK – BOBRUISKBRODY – JASSY
– KISCHINEW**

© 1992, Copyright of the original edition by Podzun-Pallas-Verlag GmbH, Eggolsheim, Germany

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Предисловие

Судьба окруженной в Сталинграде германской 6-й армии, завершившаяся в начале 1943 года, стала поворотным пунктом всей Восточной кампании. Отныне германские войска лишь отступали под неослабевающим напором Советов. В начале 1944 года превосходство Красной армии стало уже столь очевидным (для всех, но не для упрямо утверждавшего обратное высшего руководства Германии), что оно достигло катастрофических размеров на всем перешедшем к обороне Восточном фронте, на котором к этому времени одни только сухопутные войска потеряли более полумиллиона германских офицеров и солдат павшими в боях, пропавшими без вести и взятыми в плен. (Кроме того, помимо существенных потерь других видов вооруженных сил Германии (ВВС и ВМС) огромные безвозвратные потери на Восточном фронте к этому времени понесли союзники Германии, особенно Румыния, Венгрия, Италия. – *Ред.*)

Эта катастрофа началась котлом под Черкассами, в котором были уничтожены два корпуса. Затем она же продолжилась разгромом гарнизона крепости Тернополь, слишком поздно осуществленным оставлением Крыма, общим отступлением (полным разгромом. – *Ред.*) группы армий «Центр», безрезультатной попыткой прорыва целого армейского корпуса из окружения под Бродами и, наконец, завершилась крахом всей германской группы армий «Южная Украина» в Румынии. (В перечне тяжелых поражений Германии и ее союзников на Восточном фронте в 1944 году автор упустил разгром группы армий «Север» под Ленинградом и Новгородом в январе – феврале, а также разгром группы армий «Юг» и группы армий «А» на Правобережной Украине в январе – апреле. 4 сентября 1944 года под тяжелыми ударами (в июне – августе) советских войск вышла из войны Финляндия. В июле – ноябре наши войска освободили почти всю Прибалтику (Эстонскую ССР, Латвийскую ССР, кроме Курляндии, Литовскую ССР). В октябре советские армия и флот разгромили немцев в Заполярье, освободили также норвежский Киркенес. А в конце 1944 года Красная армия (перед этим в августе – сентябре выведя из войны Румынию и Болгарию) в ходе боев в Венгрии окружила ее столицу Будапешт. – *Ред.*) Сотни тысяч германских солдат были обречены нести свой жребий, испытывая всяческие лишения, страдания, жертвы и смерть, выполняя свой долг доблестно, самоотреченно, не изменяя фронтовому товариществу, несмотря на все страхи и сомнения. Граничило с чудом, что немецкий солдат-пехотинец, несмотря на все тяжелейшие поражения неслыханного масштаба, еще мог сражаться и противостоять неприятелю.

Черкассы и Тернополь, Крым и Севастополь, Витебск, Бобруйск и Минск, Броды, Яссы и Вуткани¹ вошли в историю Второй мировой войны как синонимы невысказанно жестоких боев с трагическим исходом.

Эти воистину драматические события, тогда замалчиваемые, даже в послевоенные времена вплоть до наших дней упоминаются лишь в отдельных исторических исследованиях и едва знакомы массовому читателю. В настоящей книге все они, пожалуй, впервые описаны вместе, причем наряду с чисто историческим описанием событий представлен боевой путь отдельных частей и приводятся воспоминания непосредственных участников этих сражений, чтобы читатель в полной мере мог представить себе весь повседневный ад, в котором те действовали.

Эта книга однажды должна была быть написана – для того, чтобы подобное никогда больше не повторилось.

Алекс Бухнер

---

¹ Вуткани – поселок на востоке Румынии в уезде Васлуй. (*Примеч. пер.*)

Введение

31 января 1933 года Адольф Гитлер вполне законным образом был назначен тогдашним рейхспрезидентом фон Гинденбургом рейхсканцлером. Быстро укрепившись в этой должности благодаря внутри- и внешнеполитическим успехам, он вскоре стал полновластным правителем страны. Будучи вождем созданной им национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) (НСДАП была создана еще до Гитлера, как немецкая рабочая партия (ДАП), в 1919 году. Но вступивший в нее Гитлер вместе с другими фронтовиками, прежде всего Ремом, сделал ее по-настоящему массовой. С 1920 года партия приняла окончательное название, Гитлер официально ее возглавил с 1921 года. – *Ред.*) со всеми ее вездесущими органами и службами, Гитлер в качестве рейхсканцлера стал главой правительства страны, а с 1934 года и рейхспрезидентом в одном лице (после слияния в результате референдума постов канцлера и президента (после смерти Гинденбурга) Гитлер получил официальный титул фюрера и канцлера германского рейха. – *Ред.*), с 1938 года – еще и Верховным главнокомандующим германским вермахтом, присовокупив к этому также и титул фюрера (вождя) немецкого народа.

После развязанной им 1 сентября 1939 года войны против Польши, ознаменовавшей начало Второй мировой войны, и превозносимый пропагандой после новых победоносных кампаний в Голландии, Бельгии, Франции, Норвегии, Югославии, Греции (в том числе на Крите) и в Северной Африке как «величайший военачальник всех времен», Гитлер после начала развязанной им войны против Советского Союза потерял всякое представление о соотношении достижимых военных целей и сил возглавляемого им вермахта, который стал единственной опорой страны – ее политических и экономических интересов, ее престижа. Непомерная самопереоценка фюрера, когда он зимой 1941 года назначил себя еще и Верховным главнокомандующим сухопутных сил, выразилась, в частности, в выражении: «Примитивное планирование операций на Восточном фронте доступно любому человеку».

Однако позднее, с гибелью 6-й армии зимой 1942/43 года в Сталинграде и с последним ограниченным и неудачным германским наступлением летом 1943 года в районе севернее Белгорода и южнее Орла, ошибочное руководство Гитлера военными действиями на Востоке стало вполне очевидным. С этого времени пополненные советские войска предпринимали все новые и новые наступательные операции на всем пространстве советско-германского фронта от Финляндии (точнее, Заполярья – Северной Финляндии. – *Ред.*) до Черного моря, тогда как все более и более слабевшие в боях германские дивизии постоянно отступали, оказавшись в конце концов разгромленными. Оценка Гитлером противника в лице Советов заключалась, собственно, в том, что он выдавал желаемое за действительное, считая, что его противник находится на грани поражения, тогда как истинное положение дел было прямо противоположным его мнению. Вся гитлеровскую стратегию перед лицом постоянно продвигавшегося вперед противника, изматывающую собственные германские войска, можно выразить одной фразой: не уступать ни единого метра уже занятой территории², сопротивляться любой ценой, переход к эластичной обороне невозможен. Однако еще Фридрих II Великий сказал: «Тому, кто будет только обороняться, оборонять будет нечего». Гитлер же, напротив, без каких-либо разумных доводов твердил снова и снова: «Стоять! Держаться! Ни шагу назад!» Требуемая им оборона плацдармов, «оплотов», грандиозных выступов фронтов и т. д. лишь подчеркивала эти упрямые и навязчивые мысли. На оперативных картах фюрер видел лишь нанесенные на них обозначения многочисленных германских дивизий и корпусов, даже не задумываясь о том,

---

² Сравните его с выражением: «Там, где ступила нога германского солдата, он уже никогда не отступит». (*Здесь и далее со знаком* – Примеч. авт.*)

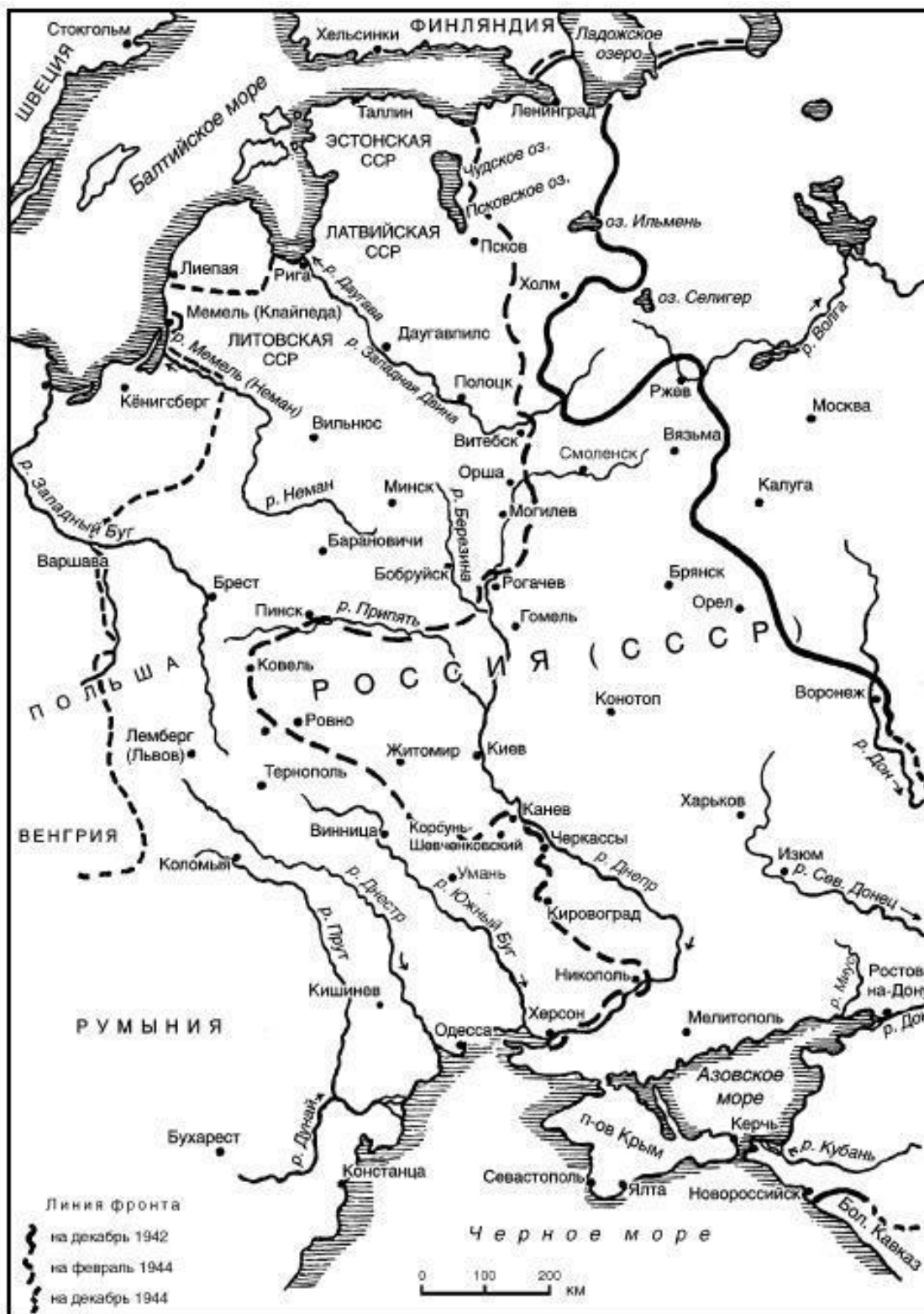
что эти соединения давно уже в значительной мере обескровлены и зачастую сохранили едва ли половину своей ударной силы.

Гитлер рассматривал высших военачальников, даже фельдмаршалов и командующих армиями, как простых исполнителей своих приказов, достаточно часто по своему произволу заменял и делал козлами отпущения за собственные полководческие ошибки. Свобода принятия решений была до такой степени ограничена, что, например, отступление на каком-либо фронте, даже малейшее выравнивание линии фронта, либо введение в бой отдельной дивизии и т. д. должно было быть предварительно согласовано с фюрером в ставке Верховного главнокомандования «Вольфшанце» у Растенбурга (Восточная Пруссия) или в любимом Берхтесгадене и получить его личное одобрение. Сколь жесткую позицию он занимал при этих согласованиях, свидетельствуют два примера. Когда зимой в декабре 1941 года генерал Шпонек осмелился самостоятельно отступить со своим корпусом (состоявшим из одной-единственной дивизии) на Керченский полуостров, поскольку возникла опасность быть отрезанным от основных частей армии, то генерал по приказу Гитлера предстал перед военным трибуналом, был приговорен к смерти (смертная казнь была заменена заключением в крепости) и позднее расстрелян (в июле 1944 года, эсэсовцами Гиммлера. – *Ред.*). Весной 1944 года Гитлер объявил «крепостью» город Ровно на Украине с его гарнизоном в 600 человек. Неприятель уже вошел в город, какие бы то ни было резервы отсутствовали. Генерал-лейтенант Кох поэтому приказал продолжить оборону несколько юго-западнее Ровно. За это самостоятельное решение он по приказу Гитлера был приговорен имперским военным трибуналом по обвинению в «неисполнении приказа» к смертной казни. Лишь контрудар группы армий дал возможность Коху, пониженному в звании до майора, снова вернуться на фронт для «искупления» своего проступка.

Короче говоря – Гитлер видел ситуацию такой, какой ему хотелось ее видеть, и какие бы то ни было чрезвычайные обстоятельства он не хотел принимать во внимание. Действительность представлялась ему весьма далекой от истинной.

Наиболее действенный вид вооруженных сил Германии (вермахта), его сухопутные войска, которые к началу 1944 года без перерыва вели боевые действия в течение более чем четырех лет, понес тяжелые потери численностью более 1,6 миллиона павших в боях, в том числе 33 700 офицеров. Эти потери были еще более чувствительными ввиду уже имеющегося дефицита живой силы и техники, который не было возможности возместить. Германские дивизии с середины 1943 года на Восточном фронте почти непрерывно вели оборонительные и арьергардные бои, буквально выжигавшие их личный состав, их силы находились на пределе. Все дивизии представляли собой в большей или меньшей степени сохранившие способность сражаться боевые группы; все полки, батальоны и роты, взводы и батареи имели численность намного ниже штатной; большая часть тяжелого вооружения и снаряжения потеряна в боях; подразделения в значительной мере утратили свою маневренность в результате ошибок в снабжении; личный состав был измотан в непрерывных сражениях, не имея необходимого отдыха. Ко всем этим напастям добавлялось еще то обстоятельство, что не имевшее никакого боевого опыта поступившее пополнение, несмотря на определенную подготовку в тылу, было не в состоянии заменить в больших количествах выбывших из строя опытных офицеров, унтер-офицеров и солдат. В боевой технике ощущался значительный недостаток в артиллерии, штурмовых орудиях, гусеничных транспортных средствах, самоходном вооружении, в зенитках и тяжелых противотанковых орудиях. Уже в течение долгого времени срочно необходимые индивидуальные противотанковые средства все еще пребывали на стадии разработки («Панцерфауст»), притом что советские танки продолжали оставаться самым грозным врагом германского пехотинца. (Гранатометы одноразового действия «Фаустпатрон» с кумулятивными надкалиберными гранатами и дальностью стрельбы 30 метров появились в войсках уже с начала 1943 года. Более

серьезные «Офеншоры» и Панцершреки», стрелявшие на несколько сотен метров, – в течение 1943 и 1944 годов. Так что автор опять передергивает. – *Ред.*)

В танковых войсках, которые в первые военные годы – впервые примененные (массированно. – *Ред.*) в современной военной истории – и позволили осуществить сенсационный блицкриг и дивизии которых в ходе сражений быстро растаяли до численности ударных групп,

не хватало бронетранспортеров. В результате этого применение танковых дивизий сводилось зачастую только к нанесению местных контрударов, что лишь распыляло танковые силы и расточало их.

Этому же способствовала и система обороны, которая – из-за дефицита сил – совершенно не соответствовала своему названию. Она постоянно сводилась к обороне – без какого-либо значительного эшелонирования в глубину с проведением серьезных полевых инженерных работ. Имеющиеся же оборонительные позиции представляли собой простые окопы и траншеи, укрытия порой усиливались накатом из деревянных бревен, которые не обеспечивали никакой защиты против обстрела тяжелой артиллерией или бомбардировок с воздуха. Эти укрытия, которые одновременно служили солдатам и местом их расквартирования, носили громкое название бункеров³. Передовая позиция обороны имела несколько траншей, стрелковые ячейки и земляные бункеры (блиндажи). Перед передним краем обороны располагались проволочные и минные заграждения. Затем следовала главная полоса обороны, имевшая от 4 до 5 километров в глубину, в которой имелись отдельные огневые позиции тяжелого вооружения (станковые пулеметы, минометы, противотанковые орудия, легкие и тяжелые полевые орудия), командные пункты и – если имелись – незначительные резервы. Еще дальше располагались артиллерийские позиции, затем тыловые службы со всем своим добром – и этим все заканчивалось. Если бы дальше в глубину можно было оборудовать отсечные, промежуточные и тыловые позиции, то прорвать такой участок обороны врагу было бы совсем не просто.

Однако если противник выбивал обороняющиеся на передовой позиции части в глубь главной полосы обороны, то там, не имея возможности закрепиться, им уже редко когда удавалось отвоевать первоначальные позиции. Гитлер пренебрежительно относился к таким запасным позициям в тылу и часто возражал против их создания. («Они лишь соблазняют генералов думать об отступлении», – однажды сказал он.) Имеющиеся в распоряжении резервы составляли, как правило, в масштабе армии – одну дивизию, для дивизии – один батальон, для полка – одну роту: совершенно смехотворные силы.

То, что при подобной обороне любое советское наступление с первого же удара могло привести к прорыву или серьезному прогибу линии фронта, неизбежно влекущих за собой еще более крупные последствия, лежало на поверхности⁴.

Люфтваффе (ВВС) в первые месяцы 1944 года еще сохраняли определенные силы и оказывали неоценимую поддержку. Но теперь их действия все в большей мере диктовались осуществленным с Запада вторжением летом 1944 года и все более усиливающимися союзническими бомбардировками территории собственно Германии (особенно это ударило по производству синтетического горючего, что резко снизило количество боевых вылетов. – *Ред.*). Многолетнее германское превосходство в воздухе на Восточном фронте было уже утеряно.

При этом русский колосс, вопреки частым предсказаниям Гитлера, отнюдь не находился на краю пропасти. Совсем напротив – Красная армия на удивление быстро оправилась от своих многочисленных тяжелых поражений в 1941–1942 годах и обрела новую мощь благодаря неисчислимым людским резервам Востока, резко возросшему выпуску военного снаряжения и оружия и поставкам военных материалов союзников.

---

³ Выражение «бункер» появилось в годы Первой мировой войны и означало тогда отдельное бетонное цилиндрическое сооружение, особенно распространенное в 1917 году на равнинных пространствах Фландрии (в вышеописанных случаях – блиндажи; в таких же условиях воевали и части Красной армии. – *Ред.*)

⁴ Для сравнения приведем здесь пример организации русской обороны периода лета 1943 года, когда русские ожидали крупное германское наступление в районе севернее Белгорода и южнее Орла. Тогда через всю Курскую дугу протянулись три линии русской обороны, каждая на расстоянии 10–20 км от другой, полностью занятые войсками, противотанковыми орудиями, артиллерией и танками. За ними находились еще три оборудованные, но незанятые оборонительные позиции, отстоящие друг от друга на 40–80 км. Только для земляных работ русскими было привлечено тогда 300 тысяч человек гражданского населения.

Сталин, диктатор Советского Союза и противник Гитлера, сделал решающий шаг, когда, призвав к обороне подвергнувшегося нападению Советского государства, воззвал к русскому патриотизму и провозгласил Великую Отечественную войну. Этот призыв к защите России-матушки был понятен и близок каждому русскому. Старое военное руководство, часто оказывавшееся неспособным действовать в современных условиях, было сменено новым. Оно усвоило многое из основных уроков современной войны, преподанных германской армией, – прорывы и дальнейшие удары без оглядки на все более растягивающиеся и открытые фланги, быстрое продвижение танковых и моторизованных соединений на обширных пространствах, обходы и захваты, окружения и мешки, удерживаемые менее подвижными армиями второго эшелона, и т. д. Наступательные действия отдельных крупных соединений (фронтов⁵, армий) теперь строго координировались вышестоящими штабами.

Русская пехота не превосходила по своим боевым качествам немецкую, но ее разбитые и измотанные в боях части и соединения получали пополнение из неисчислимых людских резервов Советского Союза (см. примеч. выше. – *Ред.*) и в кратчайший срок смогли снова отвоевать утраченные области страны. На фронтах появились также и новые, свежие и полноценные соединения. Фронтные части стали оснащаться автоматическим оружием, в достаточном количестве появилась противотанковая артиллерия. Предпринятая моторизация и своеобразие Красной армии, когда пехота двигалась в бой на броне наступающих танков, повысили мобильность советских частей.

Советские танковые силы, ранее действовавшие в виде бригад и отдельных батальонов в качестве танков непосредственной поддержки пехоты, были теперь сведены в самостоятельные танковые армии⁶ и танковые корпуса, образовав в высшей степени подвижные крупные оперативные соединения значительной ударной мощи. Непрерывным потоком из ворот советских заводов выходили испытанные в боях танки типа Т-34, а ближе к концу войны к ним присоединились еще и сверхтяжелые танки серии ИС – «Иосиф Сталин» (по массе (46 тонн) танк ИС-2 примерно такой же, как немецкий Pz V «Пантера» (45 тонн), и значительно уступал танкам Pz VI «Тигр» (56 тонн) и Pz VIВ «Королевский тигр»), а также огромное число самоходных орудий. Общий выпуск продукции советской танковой промышленности был громаден. Артиллерию сам Сталин провозгласил «богом войны». Наряду с насыщением обычных пехотных дивизий универсальными артиллерийскими орудиями (например, калибра 76 мм) с отличными тактико-техническими характеристиками по его указаниям были созданы и отдельные полки гвардейских минометов (в РККА за боевыми машинами реактивной артиллерии закрепилось название «Катюша». Немцы прозвали их «Сталинскими органами» за пугавший солдат вермахта жуткий рев реактивных мин. – *Ред.*), артиллерийские дивизии и даже артиллерийские корпуса. Выдвижение артиллерии и сокрушительная артподготовка, предшествующая наступлениям и прорывам линии фронта, были потрясающим зрелищем.

Изрядным сюрпризом оказались действия советской авиации: почти уничтоженная в первый период войны, она необычайно быстро возродилась, обрела немислимую силу и, оснащенная истребителями, штурмовиками и бомбардировщиками новейших типов, участвовала во всех сражениях.

Наряду с советской военной промышленностью, которая, в отличие от германской, вообще не подвергалась вражеским воздушным налетам (немцам, правда, удались отдельные воздушные удары в ближнем тылу, например по заводам Горького (совр. Нижний Новгород) в 1943 году. – *Ред.*) и поэтому выпускала вооружение в громадных количествах (хотя, например,

---

⁵ Один советский «фронт» соответствовал приблизительно одной немецкой группе армий. (Фронты насчитывали от 100–200 тысяч человек до 700–800 тысяч человек и чаще соответствовали (или даже уступали) немецким армиям. – *Ред.*)

⁶ В начале 1944 года обычная структура полностью укомплектованной советской танковой армии состояла из двух танковых корпусов, механизированного корпуса, других соединений и частей и вспомогательных служб. Штатная численность достигала 46–48 тысяч человек, 620 танков и 19 САУ, до 750 орудий, минометов, боевых машин реактивной артиллерии.

выплавка стали в СССР в 1942 году составила 8,1 млн тонн против 20,5 млн тонн в Германии (а с оккупированными странами 32,1 млн тонн), в 1943 году соответственно 8,5 млн тонн против 20,7 (34,6) млн тонн, в 1944 году 10,9 млн тонн против 28,6 млн тонн. – *Ред.*), мощь Красной армии увеличивали также и непрерывающиеся союзнические поставки танков, самолетов, грузовых автомобилей, оружия и всякого рода военного оборудования и материалов.

Все это позволяет ответить на законный вопрос, почему Советы за относительно краткий промежуток времени оказались в состоянии разгромить на Восточном фронте столь много еще сильных и отважных германских дивизий. Этому способствовали и множество ошибок высшего военного руководства, и постоянно снижающаяся мощь германских сухопутных сил наряду с громадным численным превосходством Красной армии в живой силе, танках, артиллерии и авиации, которая после ряда побед обрела еще и моральное превосходство над своим противником⁷.

Военное положение Германии в самом начале нового, 1944 года выглядело так: отступление на Восточном фронте началось с трех масштабных наступлений советских войск на южном фланге фронта в период между ноябрем 1942 и январем 1943 года, которые привели к прорыву всего южного участка фронта. В Сталинграде была потеряна 6-я армия, а группа армий «А» вынуждена была оставить Кавказ. Лишь в середине марта 1943 года это наступление советских войск было остановлено под Харьковом.

Попытка германских войск вновь обрести стратегическую инициативу в ходе операции «Цитадель» (Курской битвы) была утеряна, поскольку Красной армии удалось нанести под Орлом удар во фланг и тыл германской группе армий «Центр».

Советское общее наступление началось 17 июля с рубежа Северского Донца. В ходе этого наступления превосходящим силам русских удалось овладеть всем пространством от Азовского моря до верховьев Днепра, блокировав при этом еще удерживаемый германской армией Крым. Продолжая наступление, уже 4 января 1944 года советские дивизии перешли старую советско-польскую границу на Волыни.

Точно так же, как и на Восточном фронте, военная инициатива перешла к противнику и на всех других фронтах Второй мировой войны. Сражения в Северной Африке завершились к 13 мая 1943 года, когда в Тунисе капитулировала группа армий «Африка», а менее чем через два месяца после этого (в ночь на 10 июля) войска союзников по антигитлеровской коалиции высадились на Сицилии. Итальянские «братья по оружию» продержались недолго и уже 3 сентября 1943 года заключили перемирие с противником, что дало возможность союзникам несколькими днями спустя высадиться на юге Италии. Тем самым возник новый третий фронт, если считать войну со все более усиливавшимися греческими на юге и югославскими партизанами на юго-западе Балканского полуострова вторым театром военных действий. И наконец, с новой высадкой сил союзников – 6 июня 1944 года в Нормандии – на Западе образовался четвертый театр военных действий. Война за Атлантику, которую вели на просторах Атлантического океана германские подводные лодки, была проиграна, фатерланд все чаще и чаще подвергался сокрушительным налетам авиации союзников. Начинаясь битва за Европу – это выражение появилось именно в те дни.

Германские дивизии, накануне катастрофических событий 1944 года стоявшие в глубине России в Крыму, в низовьях Днепра и под Ленинградом, к концу этого периода оказались отброшенными под Будапешт, к Висле и Восточной Пруссии. Из четырех германских групп армий две были практически выбиты, из 11 армий уничтожены шесть, а оставшиеся пять измотаны в боях. В течение этого года на Восточном фронте только в ходе шести описанных ниже битв (этот снимок немецких поражений 1944 года далеко не полный. – *Ред.*) было потеряно

---

⁷ Это проявилось уже и – в противоположность первым военным годам – во все уменьшающемся числе перебежчиков из нее.

более 600 тысяч германских солдат погибшими, пропавшими без вести и плененными. (Автор преуменьшает немецкие потери. Только в ходе Белорусской операции 23 июня – 29 августа 1944 года безвозвратные потери немцев составили свыше 500 тысяч человек (381 тысяча убитыми и 158 тысяч пленными), в Яско-Кишиневской операции 20–29 августа около 400 тысяч, в том числе 208,6 тысячи пленных, и т. д. См. примечания по тексту. – *Ред.*)

Если бы в начале 1944 года весь Восточный фронт был бы отведен за линию Восточного вала⁸, то этих громадных потерь можно было бы избежать и оборонять границы Германии на Востоке. (Отвод германских сил происходил, но под ударами Красной армии, с ходу захватившей несколько плацдармов на западном берегу Днепра, с которых довольно быстро был взломан пресловутый Восточный вал. – *Ред.*)

---

⁸ Восточный вал (*нем.* Ostwall) – стратегический оборонительный рубеж немецких войск, оборонительная линия, частично возведенная вермахтом (немецкими войсками) осенью 1943 года на Восточном фронте во время Второй мировой войны. Восточный вал был разделен на два рубежа – «Пантера» и «Вотан» – и проходил по линии река Нарва – Псков – Витебск – Орша — река Сож – среднее течение реки Днепр (основа Восточного вала) – река Молочная.

Глава 1

Черкассы: XI и XXXII армейские корпуса

Зимняя драма на Гнилом Тикиче⁹

Это было на Украине, на плодородных южнорусских черноземных степях в междуречье Днепра и Южного Буга, – просторная, открытая всем ветрам, покрытая небольшими холмами и перелесками степь, изрезанная глубокими оврагами и балками. В низинах, а иногда и на холмах располагались селения и хутора, соединенные проселочными дорогами. Летом почти все эти пространства заняты бесконечными полями пшеницы и подсолнечника. Зимой землю, скованную холодом, покрывал глубокий снег, порой до крыш занося убогие крестьянские хаты вместе со своими обитателями. Весной и осенью распутица прерывала всякое сообщение между населенными пунктами, дороги становились совершенно непроходимыми и непроезжими. Под непрерывными осенними дождями или от тающего снега почва превращалась в глубокую, по колено, грязь, передвижение было возможным только на короткие расстояния по немногим «улучшенным» дорогам.

Такова была сцена, на которой предстояло разыгаться описываемым ниже событиям.

---

⁹ Гнилой Тикич – река в Киевской и Черкасской областях Украины; одна из двух составляющих, наряду с рекой Горный Тикич, реку Тикич, которая далее впадает в реку Синюха, в свою очередь являющуюся левым притоком реки Южный Буг, бассейн Черного моря. Берет начало на Приднепровской возвышенности, течет в южном направлении. Длина реки 157 км, площадь водосбора около 3150 кв. км. В верхнем течении берега круты, местами обрывисты, далее левый берег становится все более низинным и болотистым. Эта небольшая речка сыграла важную историческую роль во времена Великой Отечественной войны, когда проходила Корсунь-Шевченковская операция советских войск (24 января – 17 февраля 1944 г.) Февраль 1944 года выдался необычайно теплым, поэтому Гнилой Тикич, ширина которого обычно не превышает 5–6 м, разлился до 30 м в ширину, став грозной преградой для немецко-фашистской группировки, пытающейся прорваться из окружения в районе городка Корсунь-Шевченковский к отступающей массе фашистских войск. Значительная часть техники ушла на дно, пытаясь переехать на другой берег в местах ледяных заторов, не выдерживавших ее веса. Часть немецких солдат пыталась преодолеть ледяную реку вплавь, но лишь около 1,5 тысячи человек из 15 тысяч прорывавшихся из окружения смогли это сделать. Остальные погибли либо были взяты в плен.

Окружение двух армейских корпусов

В ходе крупного наступления зимой 1943/44 года Советам удалось прорвать германскую оборону в среднем течении Днепра и продвинуться на запад. Лишь на пространстве между Каневом и Черкассами соединения германской 8-й армии (а также 1-й танковой армии. – *Ред.*) группы армий «Юг» в составе XI и XXXXII армейских корпусов еще удерживали оборонительный рубеж на Днепре протяженностью около 100 километров, который выступал далеко на восток на фоне отесненного к западу остального германского фронта. На протяжении всего января 1944 года находящимся на этом рубеже германским войскам удавалось удерживать свои позиции.

Фельдмаршалу фон Манштейну, командующему группой армий «Юг», не удалось в штаб-квартире фюрера убедить Гитлера избавиться от этого выступа фронта. Гитлер считал, что бои на этом участке фронта необходимо продолжать и позиции удерживать для выигрыша времени, до того момента, когда появится ясность относительно ожидаемого на западе вторжения. Поэтому он отказывался отдать приказ об отводе фронта – до тех пор, когда это уже было поздно делать.

После попытки наступления советского 1-го Украинского фронта в начале января 1944 года в направлении на Винницу и Умань, которое в тяжелых боях было остановлено и отбито, причем Умань снова была спасена в качестве главного пункта снабжения всей группы армий «Юг», русские обрушились на выступ германского фронта со стороны Черкасс. (По поводу Винницы и Умани. В результате победоносной Житомирско-Бердичевской наступательной операции советские войска нанесли тяжелое поражение 4-й и 1-й танковым армиям немцев, отбросив их на 80—200 км на запад. Только с 24 декабря по 6 января было уничтожено 72,5 тысячи солдат и офицеров врага, 1227 танков и штурмовых орудий, 1311 орудий и минометов, захвачено 4468 пленных, 246 танков и штурмовых орудий, 1087 орудий, 3246 автомашин. Но под Уманью, Жмеринкой и Винницей вырвавшиеся вперед советские танковые части, нарвавшись на контрудары, были вынуждены несколько отойти. – *Ред.*) 24 января последовал мощный удар 2-го Украинского фронта под командованием генерала армии Конева, нанесенный 5-й гвардейской танковой армией с востока на северо-запад против германского XI корпуса, в то время как 1-й Украинский фронт под командованием генерала армии Ватутина 25 января после ураганной артподготовки вновь предпринял попытку прорыва германского фронта, на этот раз с северо-запада в юго-восточном направлении против германского XXXXII корпуса. На востоке Советам удалось прорвать фронт 8-й армии восточнее Шполы, а на западе – на участке 1-й танковой армии к востоку от города Белая Церковь. В прорыв германского фронта вслед за танковыми клиньями устремились массы пехоты и кавалерийские части.

Уже 28 января передовые части 1-го и 2-го Украинских фронтов¹⁰ встретились северовосточнее Умани под Звенигородкой. Выступ германского фронта, занятый XI и XXXXII армейскими корпусами, оказался отрезанным, и два этих германских корпуса после пяти дней оборонительных боев попали в окружение.

Теперь предстояло что-то предпринять, причем быстро, – второй Сталинград ни в коем случае не должен был повториться. Разумным решением было бы отдать обоим корпусам приказ о немедленном прорыве в юго-западном направлении, с тем чтобы вновь соединиться с германским фронтом, а возникший разрыв между 1-й танковой армией и 8-й армией попытаться закрыть на этом новом фронте двумя пехотными дивизиями. Однако высшее германское руководство не только запретило прорыв из образовавшегося котла, но и предполагало само устроить котел прорвавшимся русским войскам. Да, Гитлер еще лелеял планы крупно-

---

¹⁰ 5-й гвардейская танковая армия и 6-й танковая армия.

масштабных операций, а именно путем сокращения линии фронта обоих корпусов в районе Канева – Корсуня нанести собственный удар крупными силами. Он считал, что советские дивизии в результате тяжелых наступательных боев заканчивающейся зимы измотаны и обескровлены. Надо только нанести мощный удар вдоль берега Днепра на Киев и отрезать русские соединения, которые вели бои выше по течению Днепра западнее Киева. Таким образом, должен будет повториться один из крупнейших германских котлов 1941–1942 годов, и тогда русскому колоссу будет нанесен смертельный удар. План этот был бы хорош, если бы он соответствовал действительности и имеющимся обстоятельствам. Но из фронтовых траншей обстановка виделась несколько иначе, чем из отстоящей на 1000 километров штаб-квартиры фюрера.

Первый танковый удар уходит в пустоту

Группа армий «Юг» не могла позволить себе отказаться от исполнения первой части плана Гитлера – нанести удар по пытающимся взять в клещи два германских корпуса русским войскам. Против них должны были выступить девять германских танковых дивизий и пехотные соединения.

Накануне наступления немецкие войска получили следующие приказы.

1-я танковая армия: она должна была вступить в сражение с советской 1-й танковой армией восточнее Винницы и как можно быстрее высвободить 3-й немецкий танковый корпус. Этому корпусу предстояло вместе с 16-й и 17-й танковыми дивизиями и танковой дивизией СС ЛАГ¹¹, а также полком тяжелых танков под командованием Бекке передислоцироваться на правый фланг армии под Умань и находиться там в боевой готовности в качестве северной ударной группы. За этими соединениями как можно быстрее должна была последовать и 1-я танковая дивизия. Она должна была позволить снять с фронта XXXXVII танковый корпус в составе 3, 11, 13 и 14-й танковых дивизий и пребывать в боевой готовности за их левым флангом под Звенигородкой в качестве южной ударной группы. Туда же должна была подойти еще и 24-я танковая дивизия.

Но как в действительности обстояло дело с теми девятью готовыми к удару танковыми дивизиями?

На 3 февраля в 1-й танковой армии в боеготовом состоянии имелись только 16-я и 17-я танковые дивизии, да и те были настолько измотаны в боях, что после их передислокации из нынешнего района боев они нуждались как минимум в паре дней отдыха. Две другие танковые дивизии еще не подошли. 8-я армия, отделенная от 1-й танковой армии большой брешью во фронте и сама изрядно потрепанная противником, могла бы только оказывать содействие ударным группам. А еще боеспособная 24-я танковая дивизия получила от Гитлера приказ захватить плацдарм под Никополем, где опять в ней возникла «пожарная» необходимость.

Тщетно командуящий 8-й армией генерал Вёлер ссылаясь на то, что имеющихся в его распоряжении сил совершенно недостаточно для подобной операции, а с учетом пребывания двух его корпусов в окружении и совершенно нет времени для подготовки столь масштабной операции. Безрезультатно предлагал он другой вариант – не задействовать III танковый корпус, как предполагалось, для окружения русских, но как можно быстрее связать его с XXXXVII танковым корпусом и затем как можно быстрее им совместно прорывать коридор к котлу, потому что в противном случае оба корпуса будут уничтожены нарастающим давлением противника. Когда группа армий «Юг» все же приступила к выполнению плана Гитлера, 8-я армия силами 11-й и 13-й танковых дивизий нанесла удар с юга. Этот удар, нанесенный совершенно недостаточными силами, даже не смог пробить дорогу к котлу. При 1-й танковой армии, как было приказано, находился в боевой готовности также III танковый корпус под командованием генерала Брайта в качестве северной ударной группы для нанесения удара в северном направлении. Он должен был окружить находящиеся между котлом и немецким фронтом советские силы, уничтожить их и одновременно деблокировать находившиеся в котле немецкие корпуса.

4 февраля рано утром генерал Брайт пошел в наступление в северном направлении силами 16-й и 17-й танковых дивизий – при поддержке полка тяжелых танков под командованием подполковника доктора Бекке, имевшего в своем составе 34 «Тигра» и 47 «Пантер», а это было уже что-то. Но едва началось наступление, как вмешались боги погоды. Если русская зима 1941/42 года была самой морозной и снежной за последние 140 лет, то такой короткой и теплой зимы, как в 1943/44 году на юге Восточного фронта, не помнили и старожилы. До 5

---

¹¹ ЛАГ – общепринятая аббревиатура названия «Лейбштандарт Адольф Гитлер».

февраля Украина была укрыта снегом толщиной около 60 сантиметров, стояли морозы до – 15 градусов. Но уже на следующий день неожиданно с юга вторгся теплый воздух. Солнце, проливной дождь и теплый ветер, объединившись, принесли бурную оттепель, которая вызвала гораздо раньше, чем обычно, обширную распутицу – за один-единственный день черноземная украинская степь превратилась в глубокое вязкое месиво, с наступлением ночных холодов снова застывавшее, как камень. В этом бездонном болоте немецкие танковые и моторизованные соединения застряли уже на третий день и не смогли своевременно преодолеть пространство, отделяющее их от котла. С громадными трудами продвинувшись на 30 километров, III танковый корпус оказался тем не менее еще в 30 километрах к юго-востоку от границы котла, в котором уже шли ожесточенные бои. Вне всякого сомнения, удар северной ударной группы оказался недостаточным, ей не удалось ни осуществить окружение русских, ни деблокировать окруженные корпуса. Южная ударная группа, XXXXVII танковый корпус, со своими ослабленными танковыми дивизиями, едва приступил к развертыванию, как тут же попал под удар советских войск и был вынужден снова перейти к обороне. Крупномасштабный план Гитлера завершился, едва начавшись. Единственное, чего удалось достигнуть обоими ударами, – то, что противнику пришлось образовать двойное кольцо окружения – одним он удерживал заключенные в котле немецкие соединения (семь пехотных дивизий, одна танковая дивизия, моторизованная бригада, отдельные части еще одной пехотной дивизии и части и подразделения усиления. – *Ред.*), а второе образовало рубеж обороны от возможных новых попыток деблокады.

Но на этот первый безрезультатный удар было затрачено пять дней – время, за которое противник, используя имевшиеся в районе Черкасс железнодорожные линии, смог подтянуть значительное количество живой силы и техники.

Бедственная ситуация в котле

В громадном котле, северный фронт которого проходил по Днепру, оказались окруженными прежде всего – как уже ранее было сказано – германские XI и XXXXII танковые корпуса. В их состав входили 57-я пехотная дивизия (с подчиненными ей частями 389-й дивизии), 72-я и 88-я пехотные дивизии, корпусная группа «Б»¹², 5-я моторизованная (так в тексте. Дивизия называлась моторизованной до октября 1943 года, затем стала танковой. – *Пер.*) дивизия СС «Викинг» с подчиненной ей штурмовой моторизованной бригадой СС «Валлония»¹³, отдельные корпусные подразделения, вспомогательные службы, русские добровольцы и т. д. Согласно одному из оперативных донесений 8-й армии, общая численность их доходила до 56 тысяч человек. (Численность окруженных немцы занижают, что подтверждается данными о потерях далее. – *Ред.*) Командование обоими корпусами осуществлял командир XXXXII армейского корпуса, поэтому после окружения они стали называться группой Штеммермана.

Командиры оказавшихся в котле соединений понимали, что лишь скорейшие и решительные собственные действия еще могут спасти их. В первую очередь следовало организовать новые фронты в районах, откуда можно было бы нанести удары для прорыва окружения, в особенности на юге. Так как о резервах речь не шла, оба корпуса выделили для этих целей по несколько подразделений, от батальона до отделения, что привело к слиянию разнородных частей. Три крупных вражеских прорыва ускорили свертывание XXXXII корпусом фронта на севере, причем был также осуществлен отход и с позиций на Днепре. XI корпус отходил на юго-запад, перемещаясь с боями от одной промежуточной позиции к другой. К 6 февраля удалось, против ожиданий, образовать круговой оборонительный фронт протяженностью 150 километров. В центре этого фронта находился довольно крупный (менее 20 тысяч жителей. – *Ред.*) город Корсунь¹⁴, имевший взлетно-посадочную полосу, с помощью которой первое время обеспечивалось снабжение войск по воздуху, единственная прямая связь с внешним миром. Связь с Верховным командованием осуществлялась только по радио. И хотя отвод частей с передовой позволял создавать боевые группы для срочного необходимого усиления того или иного участка фронта и образовывать хоть какие-то минимальные резервы, все же было необходимо имеющимися силами поддерживать приемлемые размеры периметра котла. Чересчур сужать пространство котла было нельзя, чтобы не лишиться необходимой свободы маневра внутри его и не дать вражеской артиллерии возможности простреливать его насквозь.

Однако обо всех этих военных мероприятиях рядовой солдат ничего не знал, и ему изо дня в день приходилось тянуть свою обычную лямку. Никаких укрепленных пунктов, бункеров (блиндажей) или иных убежищ для него больше не существовало, котел постоянно менял свою форму, войска занимали новые позиции, солдатам приходилось не только воевать, но и постоянно куда-то брести, по колено в грязи, с трудом вытаскивая ноги из густого месива, а потом все в той же грязи выкапывая себе примитивные окопы. Пехотинцы, ничем не защищенные, постоянно лежали в открытом поле, в промокших до нитки шинелях, которые за ночь, подмерзая, стояли на них коробом.

---

¹² Корпусная группа: в ходе арьергардных боев на Днепре летом 1943 года германские фронтовые дивизии понесли тяжелые потери, которые не были восполнены. Их боевая численность находилась в неблагоприятном соотношении с численностью тыловых и вспомогательных служб, которые понесли значительно меньшие потери. Поэтому Верховное командование сухопутных войск приняло решение объединить каждые три ослабленные дивизии в одну так называемую корпусную группу. Такая корпусная группа соответствовала примерно пехотной дивизии обычной численности и состояла из трех дивизионных групп (= трем пехотным полкам) и двух полковых групп (= двум батальонам). Таким образом, на Восточном фронте возникло шесть корпусных групп (от «А» до «Ф»).

¹³ Это соединение состояло из бельгийских добровольцев.

¹⁴ Котел под Черкассами – таково немецкое название описываемых событий, русские называют его Корсуньским (Корсунь-Шевченковским. – *Ред.*) котлом.

Вот некоторые заметки, сделанные побывавшими в этом котле: *«7 февраля*
Позиции на Днестре будут сданы. Нам придется воевать в глубокой грязи, дерьме и воде.
3 февраля

Враг все сильнее напирает с юга и юго-запада, оттесняя наши окруженные части на север, чтобы соединиться с внешним кольцом окружения.

4–6 февраля

Все шоссе от Городища, идущее с юго-востока на Корсунь, забито воинскими колоннами. Тысячи машин всех видов, порой по три в ряд, тащатся по этой дороге длиной 20 километров, утопая в грязи и представляя отличную цель для вражеской авиации, лучше которой нельзя и придумать. Русские самолеты, как осы, вьются над нашими колоннами, заставляя людей каждые десять минут бросаться ничком в глубокую грязь. Тут и там стоят горящие грузовики. Совершенно размокшая почва делает всякое передвижение невозможным. Бесконечные обозы и тыловые службы можно перебрасывать только по железнодорожной ветке Городище – Корсунь. Направление на Корсунь ночью отмечено факелами сотен горящих машин.

7 февраля

Несмотря на все эти обстоятельства, в котле царят порядок и дисциплина. Все перемещения осуществляются планомерно и организовано. Арьергарды и фланговое охранение действуют быстро и четко. Возникающие во фронте бреши оперативно закрываются.

8 февраля

Враг пытается сжать кольцо окружения со всех сторон котла.

9 февраля

Нас основательно потеснили. Окруженные дивизии отходят на юго-востоке, востоке, на севере и северо-востоке. Котел постепенно сжимается.

10 февраля

Спасение представляется все более и более сомнительным. У находящихся в котле войск иссякают последние силы. Боеприпасы на исходе, снабжение прервано. Люди смертельно устали, обмундирование насквозь промокло, просушить негде. При всем оптимизме – от краха нас отделяют лишь несколько дней.

10/11 февраля

Ночь прошла снова в ожесточенной перестрелке, под дождем и в несусветной грязи.

11 февраля

Около 11.00 перед нашей передовой появились два весьма корректных русских офицера с посланием от Верховного русского командования к командующему окруженной германской группировкой. Суть послания – последний ультиматум, после чего с 13.00 начинается ликвидация котла. Бронетранспортер, утопая в грязи, доставил офицеров обратно к русским позициям.

Во второй половине дня враг начнет сжимать кольцо. Единственный выход – прорыв. Когда же поступит приказ?

12 февраля

Русские в течение 14 дней непрерывных боев значительных успехов не достигли, теперь они полны решимости покончить с котлом. После того как их ультиматум без всякого обсуждения был отвергнут, начинается приступ со всех направлений.

И снова проливной дождь, болото под ногами, сырость, дерьмо, траншеи и окопы, полные воды.

Котел стал чрезвычайно малым, возможный прорыв осуществим только в южном и юго-западном направлении. Войска должны совершить нечто абсолютно невозможное. Враг постоянно прорывает наши позиции то тут, то там, приходится отбивать атаки и ликвидировать прорывы.

Полевая кухня в Корсуни в последний раз выпекла хлеб. Вместе со сброшенными с самолетов упаковками с шоколадом это наша единственная еда, которая еще осталась на 13 февраля...»

Дни и недели проходили в жестоких боях, наступлениях и отходах, рукопашных схватках в невообразимой грязи. Советы сжимали кольцо медленно, но все с новыми и новыми силами¹⁵, наши войска, уже несколько месяцев сражавшиеся без перерыва, закрывали вражеские прорывы, отражая неприятеля. Чем плотнее сжималось пространство, занятое германскими войсками, тем ожесточеннее приходилось сражаться противнику, чтобы уничтожить их.

Для противодействия германской авиации, которая едва ли могла оказать какую-либо поддержку сражающейся в котле пехоте, противник непрерывно задействовал свою штурмовую авиацию, поддерживавшую его удары.

Советы старались уничтожить сражавшиеся в котле германские войска не только наземными и воздушными ударами, не только огнем артиллерии, ракетами (реактивными минами) своих «сталинских органов», бомбами и огнем бортового вооружения штурмовиков, но и впервые в широких масштабах применяли все возможные способы психологического воздействия. Громкоговорители днем и ночью убеждали солдат на передовых позициях к переходу на сторону противника, перемежая свои уговоры обещаниями и угрозами. Самолеты сбрасывали с небес тысячи так называемых «пропусков», предъявив которые каждый перебежчик мог получить в русском плену хорошее обращение и скорое возвращение на родину после окончания войны. Оттуда же летели и листовки с картами, на которых была изображена безвыходная ситуация для войск в котле. За листовками посыпались фотографии уже сдавшихся в плен германских солдат, пребывающих в полной безопасности и сидящих за накрытыми столами. Некоторых уже сдавшихся в плен германских солдат русские посылали обратно в котел с шоколадом и сигаретами в сумках, которые должны были убедить еще сражающихся в дружеском отношении и хорошем обращении в плену. Такие же обещания на немецком языке неслись из громкоговорителей. Взятые в плен германские генералы направляли личные письма своим знакомым командирам дивизий, сражающихся в котле. И наконец, 8 февраля, как положено – при горнисте и с белым флагом, появился русский генерал-полковник с официальным предложением о капитуляции от имени маршала Жукова. Сложить оружие предлагалось к 14.30 того же дня. Парламентер был препровожден обратно, предложение осталось без ответа. Но эти попытки продолжились – советские парламентеры стали появляться на КП отдельных дивизий с предложениями о сепаратных перемириях или с угрозами. Затем 10 февраля к германским войскам в котле обратился взятый в плен в Сталинграде генерал Зейдлиц, ставший председателем созданного в СССР Союза немецких офицеров, через передатчик также созданного русскими Национального комитета «Свободная Германия». Зейдлиц также призывал к капитуляции и обещал хорошее питание и обращение, совершенно безопасную жизнь и т. д.

На все эти обращения ответов из котла не было, да и перебежчики вряд ли нашлись. Германский солдат давно уже знал, что ждет его в советском плену – жалкое существование, голод, унижения и каторжная работа (в сравнении с условиями содержания советских военнопленных, особенно в 1941–1942 годах, условия, в которых находились немецкие солдаты, попавшие в плен, были вполне сносными, а получаемый паек существенно превосходил паек большинства советских людей в то время. И смертность военнопленных это подтверждает – в советском плену умерло 13,9 процента солдат вермахта, а из немецкого плена не вернулась половина оказавшихся в нем военнослужащих советских войск. – *Ред.*). Все усилия вражеской пропаганды пошли прахом.

---

¹⁵ Превосходство противника в пехоте выражалось соотношением 1:10, по артиллерии 1:8, по танкам 1:30 ко всем находившимся в котле силам. (Перед началом Корсунь-Шевченковской операции превосходство советских войск было по живой силе в 1,7 раза, в артиллерии в 2,4 раза, в танках в 2,6 раза. В дальнейшем с подтягиванием немецких деблокирующих сил соотношение менялось не в пользу Красной армии. – *Ред.*)

7 февраля изменившийся котел имел размер 45 километров с северо-запада на юго-восток. От находившегося на юге XXXXVII танкового корпуса ожидать успешного прорыва окружения больше не приходилось, все зависело теперь от III танкового корпуса на юго-западе, если положение и форма котла не изменятся, а аэродром Корсунь еще удастся удерживать. В этот день 8-я армия получила по радио приказ: «Группе Штеммермана сократить линию фронта и, атакуя, двигаться со всем котлом в направлении на Шендеровку, чтобы в установленное время действовать совместно с изготовившимися к деблокаде танковыми силами».

Генерал Штеммерман приступил к выполнению этого сложнейшего задания – «двигаться» вместе со всем котлом. На востоке котла дивизия «Викинг» оставила Городище, на севере 88-я дивизия покинула свои позиции под Яновкой. Город Корсунь с его аэродромом стал как бы осью нового передвижения, в результате которого котел теперь должен был быть развернут и вытянут в юго-западном направлении. Для этого на востоке XI армейскому корпусу пришлось уступить противнику удерживаемое пространство и после тяжелейшего маршброска по совершенно размокшим проселкам передислоцироваться в юго-западном направлении. Ежедневные потери составляли около 300 человек. Невозможно было вывезти 4 тысячи раненых. Все тыловые службы и штабные подразделения были включены в состав боевых частей.

Новая попытка прорыва срывается

В то время как напряжение и тяготы в котле продолжали усиливаться, III танковый корпус готовился осуществить новую попытку деблокады, на этот раз из района Виноград (Рубаный Мост) в направлении на северо-восток через Бужанку – Лысянку – Хи – жинцы – Журжинцы и прямо на котел. Готовились к совместным действиям по деблокаде также и 1-я танковая дивизия и танковая дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», но их перегруппировка заняла два бесценных дня. Грузовики тонули в грязи по самые оси, за день удавалось пройти самое большее 15–20 километров, причем на это уходили все силы, да и вообще любое передвижение часто оказывалось невозможным.

Несмотря на все трудности марша по сплошной грязи, всем участвующим в наступлении дивизиям удалось занять исходные позиции к назначенному времени. Ударной группой были 16-я и 17-я танковые дивизии, наступавшие на центральном участке, танковая дивизия СС «Лейбштандарт» стала левым флангом наступления, 1-я танковая дивизия должна была прикрывать правый фланг.

11 февраля снова началось немецкое наступление. День начался многообещающе, 1-я танковая дивизия намного раньше назначенного срока с первой же атаки заняла Бужанку на Гнилом Тикиче, 16-я и 17-я танковые дивизии форсировали через реку рядом с 1-й, заняв при этом небольшой плацдарм. По непролазной грязи было затруднено и снабжение, особенно горючим, осуществить его подвоз можно было только сбросом с самолетов, и то в совершенно недостаточном количестве. Неприятель и местность препятствовали сколько-нибудь быстрому продвижению, танковый удар в буквальном смысле завяз в грязи и дерьме. Все колесные транспортные средства безнадежно застревали, вязкое грязевое болото срывало узкие гусеницы бронетранспортеров. Артиллерийские тягачи буксовали, лишь тяжелые тягачи и танки были в состоянии одолевать неслыханную грязь, с громадным расходом горючего двигаясь по ней со скоростью 4–5 километров в час. В холодные ночные часы замерзшая грязь схватывала гусеницы, так что приходилось сначала вырубать их кирками, а потом факелами и паяльными лампами отогреть моторы, чтобы запустить их.

А ко всему этому еще был и враг, который перешел к обороне, но снова и снова наносил контрудары. Все верно – ему приходилось терпеть те же трудности, погодные и дорожные, но все же при более приемлемых дорогах у него изначально было еще одно, решающее преимущество: враг уже располагался вокруг котла, тогда как германские танковые дивизии сначала должны были добраться до него. К тому же буквально в первый день русским удалось захватить немецкий крупный пункт снабжения, в котором, помимо прочего, было значительное количество горючего. Надо учитывать и то, что в распоряжении противника была масса солдат, которые он мог использовать для целей снабжения. Сотни красноармейцев, передвигаясь вперед и назад, перетаскивали на руках боеприпасы, катали по грязи бочки с бензином. Боеприпасы и бензин – они были для русских важнее всего. Лишь после этого они заботились о кое-каком скудном пропитании и больше ни о чем.

12 февраля танковая дивизия СС «Лейбштандарт» основными силами вела тяжелые оборонительные бои у Винограда, а 16-я танковая дивизия неподалеку. 17-я танковая дивизия, окруженная советскими танками, пробивала себе дорогу на запад, 1-я танковая дивизия, которая должна была прикрывать фланг, продвинулась далеко вперед и наступала в направлении на Лысянку.

Не удалось достичь никаких особенных успехов и 13 и 14 февраля. На левом фланге советский 16-й танковый корпус нанес удар от села Боярка в тыл 16-й танковой дивизии, заставив ее развернуться на запад и север. Тщетно пыталась 17-я танковая дивизия своим ударом из района восточнее Дашуковки на правом фланге облегчить наступление 1-й танковой дивизии

с юга. Эта дивизия вместе с ударной группой Франка (усиленный 1-й танковый полк) еще 12 февраля взяла Лысянку-Западную, в ожесточенном бою очистила селения от вражеских подразделений, днем 13 февраля с танками и ротой из состава 113-й мотопехотной дивизии форсировала Гнилой Тикич и весь день 14 февраля отбивала мощные контратаки русских на занятом ею плацдарме в восточной части вытянувшегося вдоль реки селения Лысянка – дальше пройти она не смогла.

Наносимый III танковым корпусом удар образовал узкий рукав, чьи все более вытягивающиеся фланги постоянно подвергались ударам русских и были прикрыты от них лишь танковой дивизией СС «Лейбштандарт» слева и частями 1-й танковой дивизии справа.

И этот деблокирующий удар, несмотря на все усилия и беззаветную отвагу танковых экипажей, мотопехотинцев, артиллеристов, саперов, разведчиков, водителей и всех солдат, также был остановлен в 15–20 километрах от внешней южной границы котла. Все ударные силы просто иссякли. Только подполковнику доктору Бекке со своим полком тяжелых танков, входившим в состав 16-й танковой дивизии, удалось 14 февраля занять селение Хижинцы. Всего лишь 10 километров отделяли его от котла. Но даже его тяжелые танки не смогли в одиночку удержать это село и под сосредоточенными ударами советского 5-го гвардейского танкового корпуса были вынуждены отойти на запад.

Продвинуться дальше было просто невозможно.

В своем донесении командованию 16-я танковая дивизия докладывала об этой попытке деблокады следующим образом¹⁶:

«11 февраля для освобождения оказавшихся в котле 50 тысяч человек выступили полк тяжелых танков Бекке, 506-й батальон «Тигров», части 2-го танкового полка с приданным ему 2-м батальоном 64-го моторизованного полка, за которыми следовали ударная группа Блёмекке с остальными подразделениями 2-го танкового полка, 1-м батальоном 64-го моторизованного полка, 16-м артполком и 3-й ротой 16-го саперного батальона. Мотопехотинцы наступали, сидя на броне танков. Удар поддерживала авиация – «Штуки»¹⁷ и штурмовики. Солнце заливало светом землю, весеннее тепло царило в воздухе.

Под сильным огнем с левого фланга дивизия прошла через собственную передовую на участке 198-й пехотной дивизии, широким фронтом перевалила через железнодорожную насыпь в 5 километрах северо-восточнее селения Рубаный Мост и продвинулась до высоты 239,1. В неудержимом порыве, сметая с первого же удара любое сопротивление врага, действующая левее 17-я танковая дивизия заняла Степок, в то время как 16-я танковая дивизия преодолела три вражеские позиции и уже к 10.30 достигла Франковки. Противник был настолько ошеломлен мощью этого удара, благодаря летной погоде осуществленного при поддержке авиации, что подготовленный к взрыву мост через Гнилой Тикич у Каменного Брода неповрежденным попал в наши руки. Населенный пункт Бужанка, расположенный юго-восточнее Франковки, был захвачен 1-й танковой дивизией, которая заняла также небольшой плацдарм на западном берегу реки.

Следовавшая за танками штурмовая группа Блёмекке взяла Вишневку и затем обороняла шоссе, отбивая мощные танковые удары с северо-запада. С наступлением ночи солдаты Блёмекке сели на броню танков, добрались до Франковки и сменили на позициях танковую ударную группу, которая до сих пор держала круговую оборону захваченного плацдарма. Несмотря на вновь ухудшившуюся погоду, группе тылового обеспечения удалось, после непрерывной 24-часовой борьбы с грязью, доставить необходимое количество горючего и боеприпасов. Наступление могло продолжаться.

---

¹⁶ Бертен В. История 16-й танковой дивизии.

¹⁷ «Штука» – немецкое фронтовое прозвище пикирующего бомбардировщика «Юнкерс-87», русское прозвище – «лаптежник» (за обтекатели неубирающегося шасси).

12 февраля немецкие танковые клинья принялись расширять уже захваченный плацдарм. На этот раз густой туман не позволил авиации поддержать их. Грязевое болото не дало возможности мотопехотинцам зачистить от вражеских войск занятую танками территорию. К тому же снабжение боеприпасами и горючим по воздуху стало невозможным.

Между тем русские ввели в действие свежие силы своего 5-го гвардейского танкового корпуса и бросили их против передовых германских танковых частей и подразделений. Из района Боярки вражеский 16-й танковый корпус энергично наступал в южном направлении, угрожая тылам ушедших вперед 16-й и 17-й танковых дивизий. Действующая в этом районе танковая дивизия «Лейбштандарт» не могла оказать действенный отпор, поэтому ударная группа (17-я дивизия) была развернута против левого фланга неприятеля. Попытка расширить плацдарм потерпела крах.

13 февраля командование корпуса отдало приказ во что бы то ни стало пробиться к окруженным войскам.

В 7.25 ударная группа Блёмеке и Шиллера (16-й танко-разведывательный батальон) нанесла удар в направлении Дашуковки. Русские оборонялись на сильно укрепленной отсечной позиции. В ожесточенном бою были уничтожены 16 танков, 15 САУ и 20 противотанковых орудий. 64-й полк овладел поселком и занял оборону на его окраине. Несколько позднее его сменил 79-й мотопехотный полк, тогда как танки 16-го танко-разведывательного батальона и бронетранспортеры 2-го батальона 64-го полка около 11.20 заняли Чесновку и продолжили наступление в сторону шоссе. С 13.00 они перекрыли движение по шоссе у высоты 239,8 и после ожесточенного боя заняли западную окраину поселка Хижинцы. Теперь лишь 10 километров отделяло их от окруженных товарищей. Но одни лишь танки не могли удержать свои позиции против сосредоточенных атак русского 5-го гвардейского танкового корпуса и были вынуждены отступить на запад...»

Итак, эта попытка деблокады успеха не имела. 8-й армии не было позволено попытаться снова прийти на помощь окруженным корпусам. 10 февраля XXXXVII танковый корпус в составе 11-й и 13-й танковых дивизий снова нанес удар в западном направлении, пытаясь достичь рубежей, достигнутых танковыми дивизиями III танкового корпуса 1-й танковой армии. Не увенчалась успехом и эта попытка, корпус был развернут к северу и к 12 февраля достиг высоты южнее Звенигородки, откуда ему оставалось еще более 30 километров до южной границы котла и 25 километров до III танкового корпуса. Силы этой ослабленной танковой группировки иссякли полностью, их недоставало ни для совместных действий с III танковым корпусом, ни для деблокады котла.

Пространство для прорыва необходимо отвоевать

Драматизм событий нарастал изо дня в день, по мере того как час от часу возрастали трудности и лишения в котле. Генерал Штеммерман начал постепенно сокращать размеры котла и изменять его форму, разворачивая на юго-запад, откуда ожидалась попытка деблокады. Для этой цели необходимо было занять пространство, которое во время окружения перешло к неприятелю, и отбить несколько селений, занятых противником, чтобы создать благоприятные условия для деблокирующего удара. Поэтому между 11 и 13 февраля происходила дальнейшая перегруппировка сил. Особо испытанный 105-й пехотный полк 72-й дивизии в ночь с 10 на 11 февраля был выведен из изматывающих боев на восточной границе котла и получил задание расширить пространство котла путем нанесения удара в юго-западном направлении, для чего прежде всего овладеть пространством у села Новая Буда. Что касается личного состава этого полка, как и всех других уже ослабленных полков, уменьшившегося до численности стрелкового батальона, то его свершения скоро будут показаны.

Уже в ночь на 12 февраля в результате искусно проведенной ночной атаки было взято село Новая Буда, захвачено в плен 200 солдат и уничтожена одна вражеская рота с грузовиком и реактивным минометом. На следующее утро враг предпринял ожесточенную контратаку из района севернее Оренцы на южную часть села Новая Буда, но был отбит, причем в результате этого в ближнем бою были уничтожены два танка. Затем полк на этом рубеже сменила бригада СС «Валлония», которая в столь же ожесточенных боях, неся тяжелые потери, удерживала Новую Буду, потеряв при этом более 200 человек, среди них и своего командира,

подполковника¹⁸ Липпера. Напротив, все атаки соседнего соединения (дивизии СС «Викинг») на Шендеровку были отбиты. 13 и 14 февраля 105-й полк вел ожесточенные бои за село Комаровка. Ему удалось в ходе ночной атаки утром 13 февраля при поддержке трех последних оставшихся в составе дивизии штурмовых орудий овладеть селом, но затем противник сделал попытку вновь занять Комаровку, предпринимая почти непрерывные дневные и ночные атаки. В ходе этих боев за Комаровку 105-й полк, обороняясь и контратакуя, уничтожил 21 танк и взял в плен 240 человек. Но и его собственные потери были велики – численность его сократилась на треть, а кроме того, два штурмовых орудия, одна 20-мм зенитная установка на самоходном лафете и два орудия из состава 72-го артополка – прямыми попаданиями вражеских снарядов были выведены из строя.

Во второй половине дня 13 февраля в ходе жестокого боя с советским пулеметным батальоном была взята и Шендеровка. С овладением Новой Будой, Комаровкой и Шендеровкой поставленная задача по обретению запланированного пространства для прорывного удара была достигнута. Теперь же предстояло еще взять небольшое село Хильки, решение о захвате которого было принято позднее, и эта задача снова была поручена 105-му полку. Хильки были взяты опять-таки в ходе ночной атаки с 14 на 15 февраля, очищены от врага, а контрудар последнего отбит со значительными для него потерями. С наступлением сумерек вечером 15 февраля врагу все же удалось при поддержке шести танков с пехотой на броне прорвать оборонительную линию на юго-западной окраине села. Четыре прорвавшихся танка удалось уничтожить, однако при этом были потеряны последнее штурмовое орудие и последние две 20-мм зенитки на самоходных лафетах. Вражеская пехота была уничтожена в ближнем бою.

Примерно такие же бои шли и по всему периметру котла.

13 февраля был оставлен Корсунь. Три тысячи раненых, которых было невозможно вывезти, были оставлены в городе – им предстояло оказаться в руках русских. Их судьба оста-

---

подполковника¹⁸ Так в тексте. На самом деле Люсьен Липпер имел звание штурмбаннфюрера (майора) СС и звание оберштурмбаннфюрера (подполковника) СС получил посмертно.

лась неизвестной. Генерал Штеммерман отвел основную массу своих войск в южном направлении и сосредоточил их там на отвоеванном пространстве в небольшом, но очень опасном котле севернее Шендеровки, в готовности для прорыва. На пространстве 7 на 8 километров скопилось около 50 тысяч человек, ожидавших приказа идти на прорыв и готовых вложить свои последние силы в этот решающий удар, чтобы вырваться из котла.

В этом месте приведем еще несколько дневниковых записей: *«13 февраля»*

Водохранилище на юго-восточной окраине Корсуня длиной несколько километров заканчивалось подпорной плотиной. Военским частям, покидавшим Корсунь, приходилось пересекать этот водоем по деревянному мосту, который саперы навели по верху плотины. Длиннейшая цепь людей и транспортных средств тем не менее двигалась по этому мосту вперед без особенных трудностей. Снова похолодало, грязь замерзла. Тут и там были видны водители, которые пытались запустить заглухшие моторы своих грузовиков или сталкивали их на обочину, чтобы не мешать движению. Иногда между грузовиками можно было видеть телеги, которые тащили впряженные в них лошади или ослики.

14 февраля

Все разговоры о нашем ударе на прорыв совершенно неточны. С севера граница котла с ужасающей быстротой отходит назад, а на юго-востоке едва-едва продвигается вперед. Русские, которые буквально наступают нам на пятки, уже на рассвете сегодняшнего дня вошли в Корсунь. Село Новая Буда необходимо удержать во что бы то ни стало, оно станет краеугольным камнем нашего рубежа развертывания для удара на прорыв. Если враг отобьет Новую Буду, ему надо будет пройти только 6 километров на запад, чтобы уничтожить все сосредоточенные у Шендеровки войска.

Солдаты в своих насквозь промокших зимних шинелях, покрытых слоем грязи, бесконечно устали. Еды почти нет, пьем воду из канав. Согреться и обсушиться можно только у костров из сухой кукурузы. Плюс ко всему – страшнейшая душевная усталость.

Погода меняется, дождь перестал, но ветер завывает, холод пронизывает до костей.

15 февраля

Шендеровка, наш путь к спасению, после трех дней и двух ночей боев наконец-то оказалась в наших руках. Но русские постоянно преследуют нас от Корсуни.

Хуже всего обстоит дело с едой. У нас уже нет ничего, вообще ни кусочка еды, последние запасы мы съели еще в Корсуни. Уже три дня люди, забывшие про сон и трясущиеся от холода, не получают никакой еды, ни горячей, ни холодной, и живут только тем, что у них есть при себе.

По дороге мы разместили раненых в одном из колхозов, превратив его в полевой лазарет. Во время обстрела туда попал реактивный снаряд «сталинского органа», и несколько дюжин раненых превратились в одну кровавую кашу. Уже несколько дней и ночей более 1200 раненых, которых войска увозят с собой, лежат под открытым небом в телегах с сеном, которые были реквизированы в деревнях. Промокнув до костей под дождями прошлой недели, они теперь замерзают под брезентом, покрытым снегом. Почти не слышно ни слез, ни стонов, многие уже отчаялись просить о чем-либо. Когда кто-нибудь из них умирает, то равнодушные возчики из русских добровольцев снимают его и кладут рядом с дорогой, новый раненый занимает его место. Все медикаменты закончились, бинтов тоже нет. Врачи делают все, что в их силах, но помочь почти ничем не могут. Тем не менее они делают все, чтобы очистить совесть.

Враг поджигает нас с севера и стоит уже в трех километрах от Шендеровки...»

В этот день, 15 февраля, было принято окончательное решение. Поскольку своевременного деблокирующего удара III танкового корпуса можно было уже не ожидать, командующий группой армий «Юг» фельдмаршал фон Манштейн отдал приказ идти на прорыв. Он отдал этот приказ самостоятельно, не обращаясь в штаб-квартиру фюрера, чтобы с самого начала исключить всякие возражения. В тот же день штаб 8-й армии передал приказ Манштейна по команде дальше и в 11.05 радировал в котел: «Способность к действиям III танкового корпуса

ограничена по погодным условиям и недостаточным снабжением... Группе Штеммермана осуществить собственными силами решающий прорыв на Журжинцы – высоту 239 двумя километрами южнее. Там идти на соединение с III танковым корпусом».

Приказ был ясный и четкий. Однако в нем уже таились зачатки будущей драмы – поскольку, будучи в котле, генерал Штеммерман воспринял приказ таким образом, что он должен своими силами в ходе прорыва овладеть и господствующей высотой 239 – а это было не так.

В сердцах окруженных в котле людей снова загорелась надежда. Решающий приказ был получен, обросшие бородой, перепачканные грязью солдаты посветлели лицами. Уже три недели, будучи в окружении, они вели оборонительные бои, лежа в грязи под дождем и снегом, доедая последние крохи продовольствия. Теперь пробил час освобождения. Увы, они не знали, что подошедшие для их деблокады танковые соединения остановлены врагом и грязью и полностью утратили свою ударную мощь.

Действия авиации

Еще сохранившая к этому времени боеспособность немецкая авиация прилагала все усилия, чтобы участвовать в боевых операциях. Ей предстояло выполнить две задачи – доставлять по воздуху необходимое заключенным в котле дивизиям и обеспечивать снабжение деблокирующих частей, поскольку погодные и дорожные условия полностью блокировали работу наземных частей снабжения, а горючее и боеприпасы требовались срочно. Кроме этого, авиация по мере возможностей поддерживала с воздуха действия наземных частей.

Выполнять эти задачи выпало на долю VIII авиакорпуса под командованием генерал-лейтенанта Зайдеманна, штаб которого располагался на окраине Умани. Если ввиду многочисленных трудностей невозможно было выполнить все требования войск, командование побуждало все летные части и их наземные службы делать все возможное для наилучшего выполнения заданий. Для снабжения войск по воздуху и прикрытия транспортных машин в период с 28 января по 20 февраля было задействовано 1536 самолетов, а именно: 832 Ю-52, 478 Хе-111, 58 истребителей ФВ-190 и 168 истребителей Ме-109.

Благоприятным обстоятельством стало то, что расстояние от аэродрома Умань до котла составляло всего лишь около 100 километров. Но трудностей, увы, было куда больше. Прежде всего самолеты с трудом взлетали и садились на размокшую взлетно-посадочную полосу. Довольно часто полеты бывали невозможны из-за густого тумана и сильного обледенения машин. В некоторые дни летать можно было лишь несколько часов, когда рассеивались промозглый туман и густые низкие облака. Иногда удавалось взлетать ближе к рассвету, когда ночной холод сковывал почву, чтобы вовремя доставить снабжение окруженным войскам и танковым соединениям, пытающимся их деблокировать. Задействованные для снабжения войск эскадрильи транспортных самолетов совершали полеты в котел, несмотря на сильный заградительный огонь советской зенитной артиллерии вдоль границ котла и невзирая на потери. В первые дни они еще совершали посадки на единственный пригодный для этого аэродром в котле, чтобы на обратном пути взять на борт раненых.

Однако, несмотря на все усилия, снабжение, осуществляемое по воздуху, ухудшалось день ото дня; перебрасывать удавалось лишь часть от тех ежедневных 150 тонн, необходимых войскам. Как и в Умани, аэродром Корсуни испытывал те же погодные проблемы. Через неделю таяния снега и проливных дождей взлетно-посадочная полоса оказалась буквально залита водой. Саперы тщетно пытались сделать что-то, чтобы расчистить полосу и укрепить грунт. Но последние прибывшие самолеты садились на полосу грязи почти метровой глубины. С 10 февраля они уже не могли садиться и взлетать, боеприпасы, горючее и продовольствие приходилось сбрасывать на лету.

Всего за это время войскам было доставлено всеми способами в общей сложности 2026,6 тонны грузов, в том числе 1247 тонн боеприпасов, 45,4 тонны продовольствия, 38,3 тонны медицинских инструментов и медикаментов и 695 кубометров горючего. Также был перевезен 121 солдат.

Из котла было переброшено: 2188 раненых, из них 637 лежачих (тяжелораненых), 2,1 тонны оборудования (прежде всего специального разведывательного оборудования) и 101 солдат (специалисты и экипажи подбитых или вышедших из строя транспортных средств).

Общие потери после окончания операции составили 32 Ю-52, 13 Хе-111 и 5 Ме-109 (истребителей).

Были подбиты, но вернулись 113 Ю-52 и Хе-111, а также 47 истребителей.

В ходе операций по снабжению войск по воздуху погибли 22 военнослужащих люфтваффе, 56 пропали без вести, многие получили ранения.

В воздушных боях или зенитной артиллерией было сбито 58 вражеских самолетов.

III танковым корпусом – из последних сил вперед!

А снаружи котла, за внешней линией окружения, собирал силы для новой попытки спасти своих товарищей III танковый корпус, готовясь 16 февраля совершить последний бросок на прорыв. Прикрытые с тыла и северного фланга от врага 16-й танковой дивизией, 17-я и 1-я танковые дивизии должны были наступать от Лысянки на господствующую над местностью высоту 239, расположенную севернее села Журжинцы, тогда как полк тяжелых танков Бекке должен был нанести удар через Хижинцы на Комаровку в направлении на котел.

Германским танкистам и моторизованной пехоте предстояли тяжелые бои. 16-я танковая дивизия, прикрытая с севера и востока 2-м батальоном 64-го моторизованного полка и ударной танковой группой этого же полка, удерживала свою позицию, отражая все атаки неприятеля, и обеспечивала прикрытие обеих танковых дивизий. Со своего рубежа охранения 1-й батальон 64-го полка даже занял господствующую над этой сельской местностью высоту севернее Чесновки. В ходе этой атаки семь советских Т-34 были подбиты, после ожесточенного боя на земле остались лежать 400 советских солдат. Но сильно поредевшие части 17-й танковой дивизии уже не могли продвигаться вперед; удар 1-й танковой дивизии, нанесенный через Гнилой Тикич по мосту у Лысянки, также успеха не имел. Таким образом, третий деблокирующий удар наткнулся на вражеский контрудар, не смог перерасти в наступление и заглох. К вечеру 16 февраля передовые части III танкового корпуса застыли на рубеже Лысянка – поселок Октябрь – Хижинцы, преодолеть последние оставшиеся 10–15 километров оказалось уже свыше человеческих сил. Солдаты деблокирующих соединений и частей горели желанием отдать последние силы и были готовы на любые жертвы ради своих товарищей в котле, но войска были совершенно измотаны, а боеприпасы и горючее закончились.

Помощь котлу пришла слишком поздно, и она оказалась слишком слабой. Теперь дело шло к апогею близкой катастрофы... О том, как завершились бои последнего дня третьего деблокирующего удара, описано в истории 1-й танковой дивизии (сокращенное извлечение)¹⁹:

«В среду 16 февраля неприятель вел ожесточенный огонь по Лысянке. Даже саперы, восстанавливавшие разрушенный мост через Гнилой Тикич, несли потери от этого огня. Но больше всего неприятностей доставляли вражеские пикирующие бомбардировщики и штурмовики, которые в часы, когда рассеивались облака, каждые 10 минут атаковали с воздуха мост и сводили всю проделанную саперами работу на нет. И все же, несмотря на неописуемые трудности и нечеловеческие усилия, в этот день мост был восстановлен и готов к переброске войск.

На рассвете прибыло снабжение. На этот раз наконец-то удалось перебросить нам по воздуху довольно значительную партию. Транспортные Ю-52 с высоты 30–40 метров сбрасывали прежде всего 200-литровые бочки с горючим, а также снаряды для танковых пушек и ящики с продовольствием. И хотя многое из сброшенного разбилось или утонуло в грязи, все же с полученными припасами танковая группа Франка куда увереннее могла чувствовать себя в грядущих боях.

Чуть позже подразделения советской 5-й гвардейской танковой армии численностью более 20 танков Т-34 (т. е. один неполный батальон. – *Ред.*) предприняли попытку возобновить контрудар от высоты 239 через поселок Октябрь в направлении восточной окраины Лысянки. Точным прицельным огнем артиллерии 73-го полка этот вражеский удар был остановлен на окраине поселка, Т-34 были вынуждены повернуть назад. Остатки 1-го батальона 1-го танкового полка под командованием капитана Крамера тут же предприняли атаку на северо-восточную окраину поселка Октябрь. Увы, вскоре эта лобовая атака наткнулась на глубоко эшелонированную оборону русских танков и была остановлена.

---

¹⁹ См.: *Ставс Р.* 1-я танковая дивизия.

Почти одновременно противник повторно предпринял атаку на Лысянку-Восточную. На этот раз он наступал при поддержке танков с юго-востока, от высоты 222,5. Капитан Крамер направил обер-фельдфебеля Штриппеля на самое опасное место на правом фланге. Обер-фельдфебелю удалось, имея всего только 7 танков Pz-V «Пантера», отбить атаку наступавших на этом участке 27 Т-34, потеряв при этом только один свой танк.

Но тут погода снова обрушилась на танкистов и мотопехоту. Вернулись холода, местность и мороз, словно негодюя, востребовали увеличенную дань. Застывшие на месте и неспособные более двигаться танки были подготовлены к подрыву.

Во второй половине дня атака возобновилась, снова начались ожесточенные бои. 2-й батальон 113-го моторизованного полка, то есть последние 50–60 солдат этого батальона, усиленные бойцами 2-го батальона 1-го моторизованного полка, под командованием капитана Эбелинга двинулись по совершенно открытой местности, без малейшей возможности укрытия, имея целью занять небольшой поселок Октябрь. Под прикрытием огня четырех танков Pz V «Пантера» 1-й роты 1-го танкового полка мотопехотинцам под плотным оборонительным огнем неприятеля удалось короткими перебежками, из последних сил, неся тяжелые потери, добраться до оврага западнее поселка, в котором им удалось укрыться от вражеского огня всех калибров. Четыре танка, поддерживающие атаку, еще какое-то время продвигались вперед, но потом застряли на обширном болотистом месте, занесенном сверху свежесвыпавшим снегом. Примерно в это же время танки «Пантера» 2-й роты 1-го танкового полка под командованием капитана Крамера, двигаясь с двух сторон дороги, ведущей к Октябрю, заставили неприятеля отступить.

Тем временем сражение за Октябрь несколько севернее поселка вели танки Pz VI «Тигр» из состава 503-го батальона тяжелых танков. Батальон входил в состав танкового полка Бекке, который был задействован для поддержки наступления в юго-восточном направлении и тем самым значительно помог наступлению на поселок Октябрь. Воспользовавшись этим обстоятельством, капитан Эбелинг со своим наскоро собранным «батальоном» снова перешел в атаку. После того как 1-я рота 1-го танкового полка расстреляла четыре русских Т-34 (что неудивительно при дальнбойности, точности и мощности длинноствольной 75-мм пушки «Пантеры». – *Ред.*) и заставила повернуть назад остальные, поселок Октябрь удалось взять штурмом и в коротком уличном бою зачистить его от неприятеля. В ходе этого боя последний командир роты и почти все командиры взводов погибли или получили ранения. Тем не менее вокруг Октября были незамедлительно оборудованы оборонительные позиции, с которых вскоре и был отбит первый неприятельский контрудар, предпринятый против мотопехотинцев. 2-я рота 1-го танкового полка, наступавшая широким фронтом в северном направлении, наткнувшись на глубоко эшелонированную танковую оборону противника, понесла значительные потери. Погиб также и капитан Крамер.

Русские продолжали наносить контрудары. Подоспевшая с воздуха помощь шедших несколькими волнами пикировщиков Ю-87 позволила отбросить врага. Октябрь был удержан...»

Шендеровка – «ворота в ад»

Но вернемся обратно в котел. Положение окруженных частей все обострялось, события нарастали лавинообразно.

В то время как германские войска сидели, окруженные русскими частями и набившись как сельди в бочки, в убогих крестьянских хатах, при мерцающем свете огарков свечей и масляных ламп, в штабах кипела работа – там разрабатывали планы, оценивали возможности, организовывали, рассылали донесения, отдавали приказы, руководили и управляли. И наконец, штаб генерала Штеммермана разработал план осуществления прорыва. Выглядел он так. Прорыв должен был быть осуществлен 16 февраля под прикрытием темноты с рубежа Хильки – Комаровка тремя глубоко эшелонированными ударными клиньями. При этом следовало наступать без артиллерийской подготовки, передовые части должны были бесшумно приблизиться к врагу, ошеломить его, открыв огонь в упор, пробить бреши в кольце вражеского окружения, чтобы дальнейшим таранным ударом все запертые в котле войска смогли достичь передовых позиций деблокирующей группировки.

Каждый из трех ударных клиньев состоял из одной дивизии, каждая дивизия должна была следовать тремя эшелонами:

1-й эшелон – пехота с легким стрелковым оружием.

2-й эшелон – тяжелое оружие: полевые орудия, противотанковые пушки, минометы и т. д.

3-й эшелон – артиллерия и обоз.

Для дивизий были установлены районы сосредоточения и атаки: Правый фланг: корпусная группа «Б» в селе Хильки, направление удара: по возвышенности южнее Петровского – южная окраина Журжинцы.

Центр: 72-я пехотная дивизия в низине в 1,5 километра юго-восточнее селения Хильки, направление удара: на лес у поселка Журжинцы – севернее высоты 239 – Октябрь.

Левый фланг: 5-я моторизованная (автор ошибается – с октября 1943 года это танковая дивизия. – *Ред.*) дивизия СС «Викинг» с бригадой СС «Валлония» в Комаровке, двигаются параллельно 72-й дивизии южнее и мимо высоты 239.

Общая численность всех этих соединений приближалась к 40 тысячам человек.

Арьергард образовали 57-я и 88-я пехотные дивизии. Им предстояло на равнине под Шендеровкой прикрывать тыл идущих на прорыв войск, а затем после переданного по радио условного сигнала последовать за ними. При этом 57-я дивизия с еще несколькими подчиненными ей, но ранее не входившими в ее состав частями, насчитывавшая около 3500 человек, должна была следовать за дивизией СС «Викинг», а несколько более слабой 88-й дивизии предстояло двигаться за 72-й дивизией. Общая численность арьергарда составляла примерно 6500 человек, его обоз и тыловые службы уже находились при дивизиях, идущих на прорыв.

Все еще бывшие на ходу танки, штурмовые и самоходные орудия должны были принять участие в прорыве, все ненужные транспортные средства, оборудование, даже личные вещи солдат должны были быть уничтожены и брошены. Каждый участник прорыва должен был иметь при себе только личное оружие и столько боеприпасов, сколько мог унести.

Несмотря на этот приказ, многие части увозили с собой своих раненых товарищей на телегах или артиллерийских тягачах.

С наступлением рассвета в день прорыва VIII авиакорпус должен был прикрывать идущие на прорыв части с воздуха, нанося удары с воздуха по неприятелю, находившемуся на флангах района прорыва. Деблокирующим частям вне пределов котла предстояло нанести мощные удары по противнику, чтобы оттянуть его на себя и связать, что облегчило бы положение прорывающихся частей.

Таков был вкратце план, который обеспечивал спасение по сию пору находящихся в окружении бойцов.

Время поджимало, каждый час становился бесценным. Но уже в ходе подготовки к выполнению этого плана, 15 и 16 февраля, стали возникать одна трудность за другой. Причем начались они уже с момента передачи приказа. Полевые телефоны уже давно были разбиты, а установленные на телегах полевые радиостанции работали ненадежно.

Тем не менее в течение обоих дней подготовка к прорыву шла полным ходом, повсюду пылали костры, сжигалось все, что надо было бросить. Громыхали взрывы, уничтожавшие лишние орудия и то вооружение, которое уже не было нужно, – чтобы все это не попало в руки врага. При этом приходилось постоянно отбивать вражеские атаки и отвечать на артиллерийский огонь, который неприятель вел по котлу. Диаметр котла уже сжался до 3,5 километра, так что он мог простреливаться вражеской полевой артиллерией насквозь. Шендеровка, которая была взята нами всего несколько часов тому назад и на улицах которой еще валялись трупы своих и вражеских солдат, была переполнена войсками, которые вели приготовления к прорыву. Повсюду – на улицах, в садах и даже в хатах – ютились КП различных частей, стояли орудия, подбитые танки, грузовики и телеги, прибывавшие, собирающиеся и ожидающие приказа части.

Вечером 15 февраля генерал Штеммерман по радиации потребовал не только увеличить количество оставляемого снаряжения, но и возложил на 8-ю армию дополнительную задачу. Группа Штеммермана была еще в состоянии прорвать вражеские позиции перед ее собственным фронтом (внутреннее кольцо окружения), но осуществить второй прорыв (внешнего кольца окружения) она наверняка не сможет. Это было произнесено совершенно ясно.

Группа армий «Юг» радировала в ответ: «Пароль – «Свобода», цель – Лысянка. Выступление 16 февраля в 23.00».

Среда, 16 февраля.

Шендеровка стала воротами в ад. Дорога на исходные позиции для всех частей проходила по единственной деревенской улице – она стала началом пути к свободе для трех первых дивизий, общего обоза и всех тыловых служб обоих корпусов. По невообразимо грязной, разъезженной улице медленно пробирались вперед, скользя и с трудом вытаскивая ноги из грязи, бесконечные войсковые колонны, тащились грузовики и телеги, цепляясь друг за друга, сталкиваясь и тормозя общее движение. Поскольку русские не могли не заметить передвижение такой массы войск в котле, то по ним открыла огонь русская артиллерия, к которой присоединились сверхтяжелые минометы и «сталинские органы», методично кромсая передвигающихся людей и нанося новые тяжелые потери. Под обстрелом был даже один-единственный мост. В него попали несколько снарядов и ракет. Разбитые грузовики, павшие лошади, взрывающиеся снарядные ящики, горящие телеги, убитые и раненые, пламя горящих хат перекрыли движение по тесной улице. В воздухе висели разрывы снарядов, дым и чад, крики и стоны тяжелораненых, залпы нашей собственной артиллерии, спешащей выпустить последние снаряды. Со всей этой какофонией смешивался отрывистый лай наших зениток, которые вели огонь по вражеским пикирующим бомбардировщикам и штурмовикам, несшим смерть в виде бомб и огня бортового оружия. И несмотря на все это, с севера, запада и востока к Шендеровке подходили все новые и новые части. Пути назад им не было, и лишь на юго-западе открывался путь к свободе.

Летающие на бреющем полете Хе-111 доставили запрошенные боеприпасы в ящиках, сбрасывая их на лету. Падая между колоннами, ящики с громким треском разбивались.

В 15.00 III танковый корпус принял последнее сообщение по радио: «Октябрь взят!» Это несколько успокоило.

Однако из тыловых областей котла приходили совсем другие донесения. На северо-востоке, у населенного пункта Стеблев, русские части с танками вклинились в идущие к рубежу прорыва 57-ю и 88-ю дивизии. Лишь с огромным трудом солдатам этих дивизий удалось оттеснить врага и ликвидировать опаснейший прорыв. Но в результате этого передовые вражеские части стали ближе к Шендеровке, в которой грудились массы наших войск. Пришлось также снова отбивать уже было занятое пространство для исходного удара на юго-западе. Под ударами дивизии СС «Викинг» Комаровка за эти утренние часы уже в четвертый раз перешла из рук в руки. Также снова была захвачена и Новая Буда. Тем самым наша передовая в районе Шендеровки сдвинулась километра на три назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.